

К.Н. БАТЮШКОВ И ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ВОСПРИЯТИИ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

Сближение имен К.Н. Батюшкова и М.И. Цветаевой представляется, на первый взгляд, не противоестественным, но вторичным и довольно случайным, мало что проясняющим в творчестве и судьбах двух поэтов. Тем не менее, посылы к такому сближению возникли в диалоге Соломона Волкова и Иосифа Бродского при обсуждении вопроса о значимости и привлекательности русских поэтических «фигур второго ряда» в XIX веке. Свое отношение к Батюшкову Бродский четко определил следующими определениями и рекомендациями: «был патриотом ничуть не меньшим, чем Тютчев» [1, с. 62]; «коLOSSально недооценен: ни в свое время, ни нынче» [1, с. 62] (диалог относится к периоду 1980–1990 годов), «советую Вам перечитать Батюшкова» [1, с. 63], а собеседник, подхватывая тему, вспомнил и о том, что у него, Соломона Волкова, интерес к Батюшкову возник после чтения цветаевского стихотворения «Я берег покидал туманный Альбиона...»

Упомянутое Соломоном Волковым стихотворение, безусловно, привлекало внимание специалистов, занимающихся изучением поэзии Батюшкова: самый развернутый комментарий к данному произведению дала А. Сергеева-Кляйтис в статье «М. Цветаева и К. Батюшков. К вопросу о творческом диалоге» [2]. Но на ряд неоговоренных историко-литературных фактов, доказывающих, что мысль о поэте XIX века сопутствовала Цветае-

вой и в других биографических, творческих ситуациях, влияя на ее представление о русской провинции, о жизненном пространстве поэта, стоит обратить внимание.

Цветаева, действительно, лишь единственный раз использовала строку Батюшкова в качестве эпиграфа к своему лирическому произведению. Однако этот единственный раз подчеркнут, выделен в ее творческой судьбе следующими обстоятельствами. Стихотворение «Я берег покидал туманный Альбиона», написанное 30 октября 1918 года, не только впервые в творчестве Цветаевой предварено литературной цитатой из классического текста, но и начинается с такой цитаты. Подобный вариант использования чужой поэтической строки и создания собственного сюжета на основе реакции на эту строку возникнет еще раз только в самом последнем стихотворении Цветаевой «Все повторяю первый стих...» (6 марта 1941 года), построенном на споре с «исправленной» строкой Арсения Тарковского «Стол накрыт на шестерых» (У Цветаевой: «Я стол накрыл на шестерых» [II, с. 369]). С Батюшковым Цветаева не спорит, а как будто подчиняет его текст своему поэтическому влечению: усиливает романтическую линию сюжета, трагические интонации, интерпретирует мотивы стихотворения «Тень друга» через байронический и одновременно собственный биографический контекст. Возможно, осознанная самим автором вольность такой интерпретации и стала одной из причин, не позволивших Цветаевой включить это свое произведение во вторую часть книги «Версты».

Справедливо отмеченная А. Сергеевой-Клятис многослойность цветаевского текста «Я берег покидал туманный Альбиона...» вызвана апеллированием к целому ряду имен (Байрон, Чайльд-Гарольд, Пушкин, Одиссей, Сергей и Петр Эфроны). Однако, рассматривая данное произведение с учетом литературной самоидентификации автора, следует обратить внимание на строку: «Вот школа для тебя, о ненавистник школ!» (I, с. 435) – ни с одним из перечисленных выше героев, литературных или реальных, эта строка не соотносится. Мотивированность такого определения вполне могла быть связана с представлением и о самом Батюшкове. Цветаевой, к 1918 году уже неоднократно заявлявшей о несогласии с манифестированными поэтическими течениями и объединениями, этот поэт мог быть дорог именно своей одинокой судьбой, отрешенностью от литературной общест-венности.

То, что эта судьба была ей известна, подтверждается созданными в эмиграции статьей «Поэт и время» (1932) и «Повестью о Сонечке» (1937), где имя Батюшкова соотнесено уже со строчками из стихотворения «Нет, не луна, а светлый циферблат» (1912) Осипа Мандельштама:

Который час? – его спросили *здесь*,
А он ответил любопытным: «Вечность».

[IV, с. 306.]

Мандельштам несколько изменил фразу из дневника Дитриха, врача Батюшкова: «Он решительно не мог переваривать вопроса о времени. «Что такое часы? – обыкновенно спрашивал он и при этом прибавлял: – Вечность!»

Из обстоятельств жизни родившегося в Вологде и завершившего в этом городе свое земное существование поэта автор «Повести о Сонечке» акцентирует внимание на сумасшествии Батюшкова и вкладывает в уста собеседницы-героини следующие слова: «Глупо у поэта спрашивать время. Без-дарно. Потому он и сошел с ума – от таких глупых вопросов. <...> И опозорились, потому что это ответ – гения, чистого духа» [IV, с. 306].

В условиях эмиграции, таким образом, именно Батюшкова Цветаева берет в союзники, обосновывая право поэта «выпадать» из своей эпохи, из времени, не отзываться на злобу дня. Вот почему в статье «Поэт и время» упоминание о Батюшкове предваряется размышлением, имеющим большое значение для самоопределения Цветаевой: «Всякий поэт по существу эмигрант, даже в России. Эмигрант Царства Небесного и земного рая природы. На поэте – на всех людях искусства – но на поэте больше всего – особая печать неуютя, по которой даже в его собственном доме – узнаешь поэта» [V, с. 335].

В таких цветаевских суждениях о Батюшкове можно усмотреть и спор с 4-й строкой названного выше мандельштамовского стихотворения: «И Батюшкова мне противна спесь...» [4, с.69]. Данную строку Цветаева, на наш взгляд, сознательно игнорирует (не цитирует), заявляя о своей эстетической и этической позиции и подтверждая концовку «Истории одного посвящения» (1931) – свое итоговое самоопределение в заключительной главке «Защита бывшего»: «я не выхожу из рожденного состояния поэта – защитника» [IV, с.158].

Лирическое переживание Мандельштама настаивает на вещественном, предметном и конкретном значении мира для поэта. Согласно же цветаевской мысли, спесив, глуп и далек от поэтического мироощущения как раз тот, кто вырывает поэта из Вечности временным вопросом: «Который час?» Думается, что в контексте ее реакции на текст Мандельштама еще до эмиграции уместно рассматривать и стихотворение «Не думаю, не жалуясь, не спорю...», написанное в 1913 году, особенно строку: «Живу, не видя дня, позабывая число и век ...» [I, с. 213].

И в 1918 году, когда создается стихотворение «Я берег покидал туманный Альбиона...», Цветаевой, безусловно, уже дороги в Батюшкове такие качества, как способность жить в своем мире, отгороженном от быта и общественных проблем, умение полностью погружаться сознанием в искусство, в иные культурные пространства и эпохи. Создавая лирические стихотворения, в которых оживала Древняя Русь («Версты»), увлекаясь итальянскими и французскими авантюристами XVIII века (цикл «Романтика»), работая над поэмами-сказками («Царь-Девушка», «Молодец»), Цветаева шла

тем же путем. Подобно Батюшкову, пренебрегшему чиновничьей карьерой, в революционные годы она ощутила свою невозможность служить («Мои службы»).

Пропавший навсегда в провинциальном городе Батюшков мог привлечь внимание Цветаевой еще и потому, что в ее личной судьбе к 1918 году уже появился опыт недолгого проживания в Александрове, а в судьбе поэтической уже возник текст стихотворения «Я бы хотела жить с Вами в маленьком городе...» (1916).

Смысловое сближение этих двух разных произведений происходит за счет пространственных образов, создающих представление о неярком и привычном пространстве: «вечные сумерки», «вечные колокола» (текст 1916 года), тусклые воды, «тусклый небосвод, знакомый наизусть» (текст 1918 года). Но именно в таком пространстве предполагается осуществление желанной или неизбежной судьбы.

И знакомый Александров, где происходило общение с Мандельштамом и читались стихи Блока, Ахматовой, и неизвестная, но угадываемая через Батюшкова Вологда соединялись в представлении Цветаевой в мечту о небольшом городе, которой был бы идеален для творческой личности, избегающей громкой известности, шума времени и суеты. Эта мечта во многом обусловила и начальные строки произведения «Поэма заставы» (1923):

А покамест пустыня славы
Не засыплет мои уста,
Буду петь мосты и заставы,
Буду петь простые места.

[II, с. 187.]

Поэтическое движение Цветаевой к образу провинциального пространства не однажды, как видим, соотносилось с мыслью о Батюшкове – и шире – с мыслью о судьбе любого поэта. В этом образе проступают и черты города, похожего на Вологду.

Литература

1. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. – М., 2012.
2. Сергеева-Клятис А. М. Цветаева и К. Батюшков. К вопросу о творческом диалоге // Литература. – 2002. – № 39.
3. Цветаева М. Собрание сочинений: в 7-ми тт. – М., 1994–1997. Далее в тексте статьи ссылки на это издание содержат лишь указание на соответствующий том и страницы.
4. Мандельштам О. «Сохрани мою речь...»: Лирика разных лет. Избранная проза. – М., 1994.